

ЛИССА РИН

В шаге
от восхода

16+

Лисса Рин
В шаге от восхода

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лисса Рин

В шаге от восхода / Лисса Рин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что может быть романтичней путешествия в далекую и прекрасную страну, полную дивной экзотики и чарующей красоты? Разве что встретить свою настоящую любовь. «А уж влюбиться в Японии так и вовсе сказка!» воскликнете вы. - Ничего подобного, - ответит вам махровый интроверт. - Спорный вопрос, - задумчиво выскажется начинающий психотерапевт. - Вот и проверим, - хитро потирая руки, прошепчет судьба и запустит свое знаменитое колесо. А нам лишь остается посмотреть, кто же одержит победу в этом невольном пари

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лисса Рин

В шаге от восхода

Бесконечная ночь. И непроглядный мрак вокруг. Плотный, вязкий, он окутывал, точно липкая мутная патока, в которой вязнешь все сильнее. И нет сил выбраться.

Авиалайнер ее жизни стремительно пронзал всклокоченное полотно ночного неба, разрезая мерзлый воздух и мертвую тишину вокруг.

Молодая выпускница юридического факультета престижного колледжа опасливо всматривалась сквозь иллюминатор в раскинувшийся перед ней горизонт, полный великих возможностей, ослепительных надежд и пугающих невзгод.

Что ждет впереди? Какую выбрать дорогу и как сложится дальнейший путь?

Безбрежная ночная гладь молчала; а ей лишь оставалось следовать намеченному курсу в надежде, что самолет минуют воздушные ямы и грозовые тучи, и авиалайнер в конце концов доберется до цели, благополучно избежав падения с роскошных небес прямо во всеобъятную черную бездну отчаяния и тоски.

Глава 1

Бада-да-дыщ. Бам-дам-бадыщ!

Я вздрогнула, с трудом разлепив веки. Вот только липкий удушающий кошмар отнюдь не спешил покидать уютное пристанище моего сознания. Я снова вздрогнула. А затем еще и еще.

Дам-бадам-БАДЫЩ!

До меня внезапно дошло, что дрожит вовсе не мое многострадальное тулово, с трудом устроенное в роскошно-уютном кресле метр по диагонали экономкласса самолета авиакомпании Финляндии, а само это кресло. И сила удара, сопряженная с высокой проводимостью, все увеличивалась.

Ба-а-а-ДЫЩ!

Удар пришелся в самую шею, отчего в шейных позвонках что-то безжалостно хрустнуло, и мое лицо исказилось от боли. Лишенная покоя, уставшая от десятичасового перелета и ироничных насмешек жизни, я готова была рвать и метать. Вот только для рванометания нужно было, как минимум, определить источник беспокойства, чего мои поврежденная шея и изможденное тело сделать не позволяли. С трудом повернув голову на одну треть, сказала:

– Прошу прощения, но вы меня беспокоите.

На успех особо не надеялась, поскольку вероятность того, что за мной сидит адекватный интеллигентный старичок, который тут же извинится и прекратит мою агонию, была слишком мала. Так и вышло: все оказалось с точностью до наоборот!

– Шон, милый, не болтай ножками, – раздалось где-то позади правее моего кресла. – Видишь, злая тетя не знает, что ты еще маленький, не понимаешь.

Двадцатилетняя злая тетя нахмурилась и с огромным трудом поменяла положение тела и взяла с раскладного столика давно заждавшийся меня стаканчик с оранжевым напитком.

БДЫЩ!

Резко сдавленный пластиковый стаканчик с удовольствием выплюнул остатки газировки прямо мне на колени, усугубив и без того плачевное состояние. Я тихонько заскулила; сзади донеслось едва сдерживаемое довольное хихиканье маленького монстра.

Еще чуть-чуть, всего каких-то двадцать минут, отделяли меня от моего персонального ада до исполнения заветной мечты, в которую я собиралась окунуться с головой, а то уж и позабыла, когда в последний раз получала удовольствие от жизни вообще и от общения в частности, превратившись в заядлого интроверта с задатками социофоба. Должно быть, развод родителей в мои неполные двенадцать лет прошел куда тяжелее, чем казалось поначалу. А впрочем, он мог стать своего рода лакмусовой бумажкой, всего лишь проявившей мои психологические проблемы. Точно могу сказать одно: изрефлексировав себя вдоль и поперек, к пятнадцатилетию я свое состояние здорово усугубила – мне стало настолько комфортно в своем одиночестве, что широкий круг моего общения стал включать меня, моего кота Доллара и книги.

Затем мама, с которой к тому времени мы жили отдельно от отца, наконец, заметила, что я несколько отличаюсь от обычных подростков – и понеслась: психологи, курсы, тренинги, нетрадиционная медицина и даже экстрасенсы, лучшие предсказания которых заключались в «парня тебе надо нормального». Я плевалась, мама шипела, и наш дружный серпентарий полз на встречу с очередным «целителем».

А потом один умный человек сказал – и я благодарна ему и по сей день – что в моем случае многое может решить смена обстановки. Мама взялась за эту идею со свойственным ей рвением: санатории, турбазы, экскурсионные туры. Я отмела все варианты и заявила, что мои тараканы хотят лететь только в Японию.

О, этот полный недоумения и озадаченности взгляд я не забуду никогда! Как и не забуду свой ступор, когда на двадцатилетие мне в подарок преподнесли новенький чемодан, на кото-

рый я тут же и села. Ни слов, ни мыслей – лишь счастливый взгляд папы с мамой, которые так и не догадались, что мое высказывание о Японии было только шуткой, основная задача которой состояла в отвлечении внимания и охлаждении неумемного пыла. Да и я не сразу сообразила, что шутливое предложение стало моей мечтой, на которую я начала тщательно копить деньги в надежде посетить Страну восходящего солнца хотя бы к выпадению первых зубов, ибо поездка была безумно дорогой и пугающе далекой. По крайней мере, мне так казалось.

Но чемодан уже подарен, билеты куплены, разговорник проштудирован вдоль и поперек, а счастливые тараканы бережно упакованы где-то между паникой и предвкушением – и я, клятвенно заверив привезти себя обратно в целости и с сувенирами, ступила на дорогу длиной в почти восемь тысяч километров. Ступила с трепещущим сердцем и твердым намерением оставить своих демонов в прошлом, из которого теперь на полной скорости я неслась прямо в распахнутые двери рая.

До которого, к сожалению, все еще оставалось двадцать минут, показавшиеся мне целой вечностью.

– Еще раз, дамы и господа, прошу послушать меня внимательно, – призывал незадачливых туристов к порядку наш гид, обаятельный идеал практически всех старшекласниц – блондин с пронзительно голубыми глазами. – Меня зовут Ларри Миямото, и на предстоящие семь дней увлекательного путешествия я стану вашим провожатым в захватывающий мир Страны восходящего солнца, – провожатый уверенно прокладывал себе дорогу среди нашей огромной группы, одаривая всех и каждого очаровательной белозубой улыбкой. – Я проведу вас заветной тропой в сердце Японии, раскрою все ее самые сокровенные секреты. Но только в том случае, – весьма неожиданно Ларри без стеснения вторгся в мое личное пространство, – если вы будете полностью меня слушаться.

Слова, произнесенные нежным, но властным тенором на самое ушко, обожгли не только кожу шеи, но и все мое нутро. Я запоздало вздрогнула и поежилась, совершенно не представляя, как следовало бы отреагировать, поскольку мой истерзанный «удобным» перелетом и «дружелюбными» соседями разум, честно говоря, слегка под тормаживал. А нещадно пережатый нерв где-то на уровне шеи и вовсе придавал моему виду скорбное выражение прошедшего через все летные тернии мученика.

Благо гид тут же вернулся в самое начало нашей преимущественно женской группы, большая часть которой уже заискивающе хихикала, кокетливо пряча нежный румянец в салфеточки.

– Так что, милые дамы, начиная с этого момента, я весь в полном вашем распоряжении, – торжественно закончил речь Ларри и послал воздушный поцелуйчик основательно подтаявшим от дерзкого внимания «дамам», возраст коих уверенно приближался к отметке «мудрость в голову ударила».

Немногочисленная мужская составляющая нашей группы такого рвения не оценила и, судя по угрюмым видам, Миямотовский воздушный поцелуй мысленно засунула гиду в одно место. И сильно сомневаюсь, что этим местом были его губы.

– Друзья, прошу вас собраться вокруг меня, чтобы я мог вас посчитать. Кучнее, девушки, кучнее, – и в подтверждение своих слов гид неожиданно схватил меня под локоток, выдернув из вялотекущего потока группы, и крепко прижал к себе. От неожиданности и боли в шее я охнула и аккуратно отдала ему ногу, нечаянно добавив к своей массе вес моего весьма габаритного, но совершенно непослушного чемодана. Как мы не завалились на вычищенный до блеска пол огромного аэропорта Нарита, только Будде известно.

Алея и матерясь про себя, я неуклюже выпрямилась, снова согнулась от боли и поспешила затаиться за отвесной стеной моей группы. Попеременно чередуя широкую улыбку с гримасой боли, Ларри завершил подсчет и, удовлетворенно хмыкнув, повел нас на автостоянку,

куда как раз подъезжал роскошный серебристый автобус с колоритным рисунком золотистого дракона.

– И пожалуйста, друзья, – казалось, отдавленная нога лишь сильнее раззадорила Миямото, – как только двери автобуса откроются, дайте возможность сначала выйти водителю, а уж потом можете занимать места. Кроме переднего – оно приготовлено специально для меня и еще одного счастливчика, – и он подмигнул одной из туристок, крепенькой пожилой женщине, возраст которой, как успела обсудить наша группа, составлял едва ли не семьдесят лет. Поверить в это было довольно сложно, учитывая тот факт, что на протяжении всего нашего перемещения по аэропорту обогнать ретивую «бабульку» не удалось даже мне, а ведь я, как выяснилось, была самой младшей туристкой: разница возрастов моего и среднестатистического представителя группы отличалась в два, а то и в три раза. – Все меня слышали? – уточнил гид и подозрительно обвел нас небесными очами.

Группа согласно закивала, слегка повозмущалась оказанному недоверию... и нежно занесла сублимного и довольно невысокого водителя в салон, едва только распахнулись двери автобуса.

– Друзья, я же просил, – тут же засуетился Ларри вокруг неуправляемой людской толпы, медленно, но упорно затекавшей в автобус, к концу которого смыло несчастного водителя. Удивляюсь, как его вообще не выкинули в окно: а никак тщедушный японец занимает чересчур много автобусного пространства!

– Если вы не выпустите Вакаба-сан, ваши вещи останутся стоять на бордюре, – пригрозил Ларри после того, как его самого едва не отбросило на обочину жизни.

Это подействовало, и толпа недовольно схлынула, выпуская из своего плена изрядно потрепанного и с ошалелым взглядом Вакаба-сан.

Отметив про себя нестабильно опасную посадочную ситуацию, я отошла в самый конец группы, что предоставило мне уникальную и вполне ожидаемую возможность занять самые последние места автобуса. Учитывая, что в мое распоряжение поступило целых два сидения, куда более комфортных, нежели в самолете, я почувствовала себя почти счастливой и с удовольствием устроилась у окошка, расположив по соседству свой плащик цвета мокрого асфальта. Прослушав необходимый вводный курс молодого туриста, я надела наушники и погрузилась в сладкую негу счастливой путешественницы, мечта которой перестала быть таковой ввиду ее исполнения.

А за окном цвела осень. Неспешной пряной поступью алокрылая робко вступала в свои права, в то время как в моем родном городке Форсса уже всю свирепствовали несговорчивые заморозки. А здесь совсем еще зеленые японские лиственницы да величественные криптомерии щедро делились своей природной свежестью и возвращали память в беззаботные летние деньки.

Тихий мелодичный напев, далекий убаюкивающий голос гида и усталость незаметно увели в нежные объятия сладостной дремы, вырвать из плена которой меня смог бы разве только настоящий японец.

Увы, лишнего японца для меня не нашлось, а вот запасная голова на моих плечах меня порядком напугала. Моментально проснувшись, я резко отшатнулась, отчего голова незнакомого мужчины, словно в фильме ужасов, едва ли не скатилась мне на колени, благо сосед успел быстро взять себя в руки.

– Прошу прощения, – легкая хрипотца лишь замаскировала, но отнюдь не скрыла поразительную глубину его обволакивающего баритона, – все места были заняты, а я не хотел вас беспокоить, – мужчина немного виновато развел руками.

Не в силах что-либо сказать, я проследила за направлением его ладони и узрела по соседству с нашими местами пузатого мужчину с маньякоподобным лицом, беззастенчиво развалив-

шегоса сразу на двух сиденьях, бывших еще пару часов назад пустыми. Ничего удивительного, к такому я бы тоже не стала подсаживаться, даже если бы пришлось всю экскурсию ехать стоя.

Я едва удержалась, чтобы не хмыкнуть, и ощутила на себе пристальный взгляд. И принадлежал он отнюдь не маньяколищному.

– Ничего страшного, – нервно слотнула и покосилась на колени соседа, не в силах поднять взгляд – шея не позволяла. – Можно?

– Да, разумеется, – спохватился незнакомец и бережно передал мой плащ, который, судя по всему, весь мой сон покоился у него на коленях аккуратно сложенной стопочкой. И складывала его отнюдь не я. – Извините.

– Ничего, – повторила я, нелепо пытаюсь расправить плащ, отчего скомкала его окончательно.

Мысли пронеслись в голове стайкой всполошенных пичуг: кто он и когда объявился? Насколько я помнила (а на память никогда не жаловалась), его в изначальном составе экскурсионной группы не было.

– Хорошо, что вы меня разбудили, – хрипотца его голоса окончательно растворилась в глубинах бархатного голоса, и мне стало жарко, – а то проспал бы всю экскурсию.

– Я тоже, – надеюсь, мое пожимание плечами выглядело естественным, поскольку руки подозрительно одеревенели.

Перевела взгляд в окно, с удивлением отметив, что к пяти вечера город оказался плотно укутан в сумеречный плед и представлял собой блистающий всполохами вывесок и огней организм. Впереди раскинулась высокая алая телебашня, отдаленно напоминая красовавшуюся на многочисленных фото и артах, заполонивших интернет, Эйфелеву.

– Телевизионная башня Токио, – торжественно объявил наш гид, и народ тут же стряхнул с себя сонное оцепенение. – Готовимся на выход. Я вас отведу наверх, и дальше у вас будет приблизительно полчаса свободного времени. И, друзья, давайте сразу оговоримся: в назначенное время всем необходимо быть в автобусе без опозданий, иначе уедем без вас. Вы, разумеется, можете добраться самостоятельно до отеля; он указан на визитках, которые я раздал. Однако сомневаюсь, что самостоятельное путешествие по Японии пройдет без проблем, если вы, конечно, не знаете языка. А поездка на такси влетит в копеечку. Так что, друзья, не опаздываем. Все за мной!

Я немного занервничала, совершенно не припоминая, чтобы мне что-либо давали. Вот непутевая! Лететь в такую даль, чтобы уютно поспать в японском автобусе с дальнейшей возможной перспективой затеряться в многомиллионном городе, пестрящем иероглифами и довольно неожиданными логистическими вензелями – с моим везением это выглядело вполне ожидаемо.

– Не возражаете, если я буду держаться вас? – снова обратился ко мне сосед. – Мне не хватило визитки.

Я не без усилий все же подняла голову с честным намерением сознаться... и лишь сипло выдохнула: ледяная сталь серых глаз буквально заморозила все мои речевые и двигательные навыки. Признание застыло на губах, и я безвольно кивнула.

Проклятье! Да что со мной такое?

– Ну, раз уж мы с вами партнеры, тогда позвольте представиться – Рен, – улыбнулся мужчина, небрежно поправляя ниспадавшую на глаза прядь цвета безлунной ночи.

– Марика, – похоже, хрипотца заразна – мой голос приобрел интонации старушки с многолетним стажем курильщика.

– Надо же, да у вас почти японское имя, – хохотнул Рен, поспешно накидывая на плечи черное драповое пальто.

– У вас, кстати, тоже, – глядя на его расслабленные, уверенные движения, я неожиданно осмелела.

Ну, или, по крайней мере, перестала жалко блять.

– Но мы не японцы, поэтому предлагаю обойтись без излишней вежливости и перейти на «ты». Как на это смотришь? – Рен лихо замотался в шарф и подал мне руку.

Я поспешила принять предложение и, резко вскочив, со всей дури врезалась головой о багажную полку.

Твою ж на серенаду! А ведь только поверила, что фортуна мне улыбается. Ан нет, похоже, я снова спутала улыбку этой непостоянной тетки с оскалом. Что сказать, вполне могла бы и не поворачиваться ко мне лицом, чего уж: когда стояла задом, неприятностей и то поменьше было!

Рен было протянул руку к моей будущей шишке, но тут по автобусу разлетелась недовольный глас нашего гида.

– Эй, залетные, вам особое приглашения надо?

– Ты в порядке? – участливо поинтересовался мой спутник и только после моего утвердительного кивка повернулся к Миямото. – Уже идем, не переживай, – по-свойски ответил мой сосед, что зародило во мне некоторые догадки.

Я поспешно накинула плащ и, все еще пересчитывая звезды перед глазами, неуклюже выкатилась в автобусный проход, едва не уткнувшись в грудь Рену.

Неожиданно!

Когда сидел, не казался таким уж высоким, а теперь из-за треклятой шеи я не смогу даже в лицо ему взглянуть, не говоря уже про встречу взглядами. Просто обожаю свою удачу!

Токийская телебашня поражала масштабом и красотой сияющих загадочным пурпуром огней. А посему с преогромнейшим трудом удавалось делать вид, будто вершина шестисотметровой телевизионной башни куда менее интересна моей шее, нежели серая однообразная плитка под ногами. И пока все упоенно фотографировались на фоне роскошного строения, я поспешила вслед за гидом внутрь.

И у самого лифта обнаружила, что потеряла своего спутника.

«*Буду держаться рядом, как же*», – мысленно передразнила Рена, предприняв бесполезную попытку отыскать его своим покалеченным углом обзора в толпе.

– Irasshaimase* («Добро пожаловать. Проходите» – яп.), – поприветствовала собравшуюся у лифта группку в десять человек улыбочивая японка в строгом темно-синем костюме, шарфике-бабочке и белых перчатках – ее внешний облик живо напомнил мне стюардессу и малоприятные впечатления от полета. – Nai, dōzo* («Прошу» – яп.).

Площадка, уходящая в небо на высоту в триста пятьдесят метров, встретила совершенно несовместимыми вещами: освежающей прохладой и многолюдной толпой туристов, степенно гуляющих вдоль панорамных стекол. А вид за оным открывался поистине изумительный: огромный мегаполис, раскинувшийся на многие километры, то и дело подмигивал пестрыми огнями, словно приглашал окунуться в сказку наяву.

И я послушно проследовала к ближайшему сказочному окну, попутно распутывая наушники. Только лишь зазвучала мелодия, как свет на площадке погас, и по стене побежали радостные блики, чествующие скорый приход Рождества: олени, снежинки, ели – все смешалось в чарующем хороводе огней.

И счастье взорвалось в моей груди мириадами ликующих искр.

Впрочем, к великому сожалению, оно так же быстро и погасло.

– Что играет? – правый наушник был бесцеремонно выдернут из самого уха, – Within Temptation, серьезно?

Лукавый прищур голубых глаз придал Ларри Миямото неожиданное сходство с коренными уроженцами Токио.

– Что-то не нравится? – уточнила я, раздраженно выхватив из его рук свое добро.

– Так вот, что слушают современные девушки, – гид проигнорировал вопрос, да и весь мой недовольный облик.

– Не вас же одного слушать? – парировала я и поспешила ретироваться, однако неугомонный Миямото уверенно оперся плечом о стеклянное ограждение, полностью преградив мне путь. – Пропустите, пожалуйста, – мой голос оставался спокойным, хотя внутри все горело от едва сдерживаемого раздражения.

Несмотря на свои несомненные обаяние и шарм, этот тип был мне отчего-то неприятен. Хотя возможно, причина была лишь в том, что интровертам в принципе мало кто нравится.

– А вот я бы тебя послушал, – тихим стальным голосом поведал парень, почти вплотную приблизившись, отчего у меня по спине побежали мурашки.

На мое счастье в этот момент на площадке снова зажегся свет, и Ларри со скоростью таракана-иждивенца незаметно исчез в ближайшей тени. Я облегченно вздохнула и поспешила затеряться в толпе, больше не рискуя подходить к панорамным окнам.

Возвращение в автобус обошлось без приключений. Поуютнее устроившись у окна, я с сожалением покосилась на пустое соседнее сиденье. Поймав дружелюбный взгляд маньякоподобного, поспешила отвернуться к окну.

Подумаешь, не пришел. Мне-то что? Я его едва знаю, да и вообще покой уютного одиночества мне нравится куда больше, нежели непредсказуемые всполохи беспокойных чувств.

Но плащ на соседнее сиденье все же класть не стала.

Глава 2

Японское утро в номере 724 поприветствовало бодрящей прохладой. Я поежилась и лишь поплотнее укуталась в одеяло... чтобы через минуту подскочить от зубодробильной трели будильника.

Негромко выругавшись в мягкую подушку, сонно потянулась, с наслаждением отметив, что шея освободила меня из болевого плена. Настроение взлетело до небес: даешь новый прекрасный день!

С опаской прошмыгнула мимо унитаза с подогревом: вчера при близком изучении сложного и, несомненно, гениального устройства я получила плевком в любопытную моську. В прямом смысле этого слова: слегка склонившись над несложной по японским меркам инструкцией, я случайно оперлась рукой на одну из многочисленных кнопок и... приняла самый экстравагантный в своей недолгой жизни душ. Затем унитаз одобрительно загудел, зашипел и утешил меня пятисекундным обдувом теплого воздуха. Мол, давай без обид. Обижаться не стала и попросту закрыла кнопочную панель крышечкой с твердым намерением оставить подробное изучение конструкции до лучших времен. Например, никогда.

Резво приняв нормальный в общепринятых человеческих рамках душ, поспешила на выход, на ходу выстраивая на затылке бесхитростную композицию из высокого хвоста волос, перетянутых нежным пурпурным платочком с выбивающимися кончиками.

Столовая комната пахнула ароматным паром и тихим гомоном перешептывающейся очереди, конец которой пришлось занимать едва ли не с самого лифта. Пока с любопытством изучала чудную, малахитового цвета шляпку на впереди стоящей пожилой японской леди, за мной постепенно стали выстраиваться остальные члены моей большой группы.

– Красивая, – одобрительно покивала головой стоящая прямо за мной «самый молодой» представитель нашей группы.

– Это да, – подтвердила я, на секунду задумавшись, кому был адресован комплимент: шляпке, японке или композиции в целом.

– Нелия, – представилась тем временем «бабулька», кокетливо поправляя выбившуюся из аккуратно собранных пучком волос прядь.

– Марика, – я приветливо улыбнулась, машинально отзеркалив ее движение: длинная прядь цвета розового золота заняла свое излюбленное место на моем указательном пальце. Вредная привычка, с которой уже давно веду безуспешную борьбу.

– И имя красивое, – ответила улыбкой Нелия и задумчиво осмотрела очередь. – А где же тот симпатичный рослый молодой человек?

Мое настроение моментально дало стрекача: в памяти тут же всплыл хитрый блеск голубых глаз и звенящий сталью голос Ларри. Пронизывающий, достающий до самых поджилков, взгляд мне был преподнесен вчера вечером вместе с картой-ключом от номера. Самой последней из всей группы. И с подозрительной паузой и многообещающими кивками.

– Думаю, скоро подойдет, – этикет требовал дать ответ, невзирая на личное предпочтение не упоминать имена некоторых субъектов всуе, – он же гид как-никак.

Нелия внимательно изучила мое изрядно подкисшее выражение лица и ухмыльнулась.

– А я вовсе не Миямото имела в виду, – и с этими словами она протянула мне визитку с наименованием нашего отеля. – Мне было велено передать, – отрапортовала Нелия и поспешила к шведскому столу – за разговором я и не заметила, как подошла наша очередь.

День выдался насыщенным событиями и впечатлениями. И не только из-за шумного выселения из отеля, которые, как выяснилось, нам предстояло менять едва ли не каждый день. Величественный город Камакура, куда мы прибыли на автобусе из Токио, встретил нас огром-

ной статуей Будды с живым ковром туристов вокруг оной, традиционными японскими сладостями – вагаси и наглыми птицами, на них претендующими. К слову, последний пункт из этого списка настиг меня уже через полчаса, когда на открытой обзорной площадке вышеупомянутого храма я, самозабвенно поедая третья палочку данго, была буквально атакована местным представителем пернатой фауны – и мое благостное расположение духа улетело вместе с лакомством на птичью трапезу. Смирившись с тем, что сама судьба пытается направить меня на правильный, духовно-аскетичный путь, я пожала плечами и направилась к сувенирной улочке.

– Стой, подлюка! – донесся до меня гневный вопль. – Ух, чертовка, дай мне только до тебя добраться!

И Нелия с мастерством метателя снарядов запустила в улетающий субъект скомканной бумагой. И ведь попала! Правда, не в птицу, а в затылок незнакомого японца, мирно кушающего за деревянной скамьей обзорной площадки свою порцию данго. Совсем молодой парень, надо отдать ему должное, безропотно поднял снаряд, озадаченно почесал в затылке и положил бумажку в прозрачный пакетик, который каждый японец просто обязан всегда иметь при себе, поскольку улицы Японии отличаются чистотой и – просто нонсенс! – практически полным отсутствием мусорных урн.

Нелия, все это время внимательно следившая за его манипуляциями, поймала мой взгляд, смущенно пожала плечами и игриво приложила палец к губам. Я понимающе кивнула, и мы разошлись по своим делам, словно участники удачной авантюры.

Предупреждающую дощечку для туристов о разбойных нападениях пернатых я увидела много позже, что, впрочем, совсем не удивительно: скрытая, как и полагается любой предупреждающей об опасности надписи, от глаз людских густым плющом, она не давала туристам ни единого шанса на победу с местным клювокрылым колоритом.

Прикупив парочку чудесных кошачьих фигурок, японских лакомств и прочих сувенирных мелочей, я вновь воспрянула духом настолько, что даже одарила идущего навстречу Ларри легкой улыбкой. Не то, чтобы я была рада его видеть, отнюдь. Просто завидев, как нашего руководителя группы в буквальном смысле атаковали с расспросами туристки (особую осаду вела любопытная Нелия, которая едва ли не висела на плече у Миямото), я с трудом сдержалась, чтобы не расхохотаться. Неукротимый порыв смеха сдержать удалось, а вот улыбку, увы, нет.

И это стало моей стратегической ошибкой.

Неугомонный блондин настиг меня быстрее, чем маньяки настигают свою жертву в фильмах ужасов. А я-то, тряся в руках продолговатую металлическую колбу с предсказаниями внутри, надеялась на удачу в предстоящем ритуале под забавным названием «Омикудзи». Граненая деревянная палочка, выскочившая из маленького круглого отверстия колбы, едва коснулась моей ладони, а я уже знала, что никакой удачей там и не пахнет.

– Ну и как успехи? – задорно поинтересовался Миямото, уверенно оттеснив меня от места раздачи предсказаний и заглядывая через плечо.

– Успехи... – я запнулась, хмуро всматриваясь в начертанную на палочке вычурно-жутковатую загогулину, и честно призналась, – не знаю.

– Это номер, – пояснил Ларри, по-хозяйски завладев моей судьбой и со знанием дела водя указательным пальцем по множеству деревянных ячеек, расположенных прямо перед нами.

Как выяснилось спустя непродолжительное наблюдение за другими посетителями, в каждом пронумерованном деревянном ящичке и лежали листочки с самим предсказанием, написанным на двух языках: японском и английском.

Я затаила дыхание, глядя, как ладонь гида на миг замерла напротив крайней правой ячейки, а затем внезапно быстро поднялась на одну ячейку вверх.

– Поздравляю, Мари-чан, большая удача! – радостно возвестил Ларри, словно бы это он самолично только что вытаскил эту самую удачу, и протянул мне листок с предсказанием. – Ты, оказывается, не только красивая, но и везучая.

– Спасибо, – пробормотала я, принимая свою судьбу.

– Всегда рад помочь, – на мой скромный взгляд, широкая и лучезарная улыбка парня была достойна, по меньшей мере, джек-пота, а не какой-то там удачи, пускай и большой.

– Многообещающее заявление! – пропел совсем рядом мелодичный голос, заставив двух «большееудачников» вздрогнуть. – То-то, я смотрю, группа без присмотра бродит.

– Тори-чан! – улыбка Ларри, вопреки моему удивлению и его анатомическим особенностям, стала еще шире. И приобрела какой-то жуткий оттенок. Хотя, возможно, то была лишь игра моего воображения. – Как фотосъемки?

– Неплохо, – пожалала плечами привлекательная коротковолосая брюнетка в огромных темных очках и, заметив в ладони гида деревянную палочку, ухмыльнулась. – Снова неудача? Карму не пробовал чистить?

Ларри игриво пригрозил девушке пальцем.

– Ну, во-первых, это не мое, – он быстро развернулся и ловко закинул палочку обратно в металлическую колбу, – а во-вторых, позволь тебе представить обладательницу большой удачи – Мари-чан! Мари-чан, это Тори-чан, второй замечательный гид нашей замечательной группы.

– Говорила же, завязывай с «чанами», – слегка поморщилась брюнетка и, сняв очки, сдержанно улыбнулась. – Виктория, – представилась она.

– Очень приятно. Марика, – кивнула я. – Так у нас, выходит, два гида?

– Группа большая, – пояснила Виктория, бросив на меня быстрый оценивающий взгляд, – наше агентство решило, что один не справится.

– Они меня недооценивают, – горделиво заметил Ларри, о котором я уже успела слегка подзабыть. И, кажется, это его слегка подзадело.

– Судя по твоей удаче, тебя, скорее, переоценивают, – хмыкнула Виктория. – Ты хоть знаешь, что по пути сюда мне повезло вытащить двух застрявших туристов из пещеры, и еще одну – из такси? Пока ты тут испытываешь удачу, Нелия успела несколько раз оббежать обзорную площадку с торговыми рядами, заскучала и подалась осваивать Японию своим ходом.

– Ах ты ж, – выдохнул слегка побледневший Миямото и посмотрел на наручные часы. – Пора на автобус.

– Уже десять минут как. Так что давай как обычно – ты в конец площадки, а я стану у выхода на пересчет.

Ларри кивнул и поспешил в указанном направлении.

– Дуралей, – довольно миролюбиво произнесла Виктория и улыбнулась, – ты ему явно приглянулась.

– Что? – я едва не поперхнулась зевком, который собиралась проделать как можно незаметнее. – С чего вы взяли?

– Я еще ни разу не видела, чтобы он так трогательно от кого-то скрывал его неудачу, – лениво пояснила девушка, вновь надевая очки на переносицу. В ее голосе едва слышно звякнула сталь. – Судя по кандзи, что я успела заметить у него в руке, твое предсказание отнюдь не «удача». Я знаю, потому что этот кандзи постоянно выпадает нашему блондинистому приятелю.

– Вот как, – протянула я, совершенно не представляя, что мне следует делать с полученной информацией.

– Не бери в голову, – махнула рукой гид. – Пойдешь со мной? Или еще прогуляешься? У тебя есть где-то минут двадцать до отъезда автобуса. А впрочем, если мы не найдем Нелию, то вообще можем здесь заночевать.

И она плавно удалилась, оставив меня наедине с моей липовой удачей и ощущением полного замешательства.

Продолжение экскурсии и переезд в крупнейший порт Японии, мегаполис Йокогаму, ознаменовался часовым шелестом сувенирных пакетиков, заполонившим, казалось, весь салон

автобуса. Возникло неприятное ощущение мышиноного набега и мышиноного же хруста. Что дружно и упоенно грызла наша группа в ходе поездки, так и осталось для меня загадкой.

Подъем на самую высокую обзорную площадку страны, расположенную в небоскребе Лендмарк Тауэр на шестьдесят девятом этаже, был осуществлен на скоростном лифте за сорок секунд, о чем мне красочно поведали мои заложенные уши. Для меня, спокойно перенесшей взлет и посадку самолета, это стало неожиданным сюрпризом. Сюрпризом и восхищением отозвался и вид, открывающийся с площадки на порт и даже на далекий Токио. Тем красивее он был в медовых, тягучих лучах заходящего солнца, щедро освещавшего и сам порт Минато Мирай, и побережье Токийского залива. А вот разглядеть гору Фудзи, к сожалению, не удалось – яркие солнечные лучи нещадно заливали оранжевым светом и слезами глаза.

Вдоволь полюбовавшись огромным колесом обозрения «Cosmo Clock 21», в центре которого цифровые часы показывали 16:03, я уже развернулась к выходу с намерением лично посетить это колесо... и едва не налетела на Ларри, поймавшего меня за руку. Быстро отпрянула и напряглась.

– Хочешь, сфотографирую? – предложил гид, взгляд которого неожиданно для меня смягчился. – Я уже всю группу перешел, ты единственная, кто меня не просил. Подумал, что это немного несправедливо.

– Я уже, – невнятно запротестовала я, подозрительно оглядывая голубоглазого блондина, который, в свою очередь, смотрел куда-то в сторону.

– Ну, смотри, Мари-чан, – пожал он плечами и немного отошел, и это ненавязчиво-добродушное поведение окончательно сбilo меня с толку, – я просто знаю, где открывается отличный вид на порт. Не хочешь?

Он мягко взглянул на меня и улыбнулся – само радушие и искренность!

Воспользовавшись моим замешательством, парень уверенно выхватил телефон из моих рук и отошел, копаясь в его настройках.

– Сейчас сделаю пару пробных снимков, чтобы оценить экспозицию, – пояснил он, пока я нервно теребила сумку в нехорошем предчувствии. С другой стороны, возможно, я просто превращаюсь в законченного параноика: в конце концов, это всего лишь фотография.

– Что-то не получается? – спустя две минуты наблюдения за тем, как мой телефон разве что еще не лобзает, я забеспокоилась и подалась вперед.

– А, нет-нет, уже разобрался, – спешно заверил меня гид и направил камеру телефона на мою скромную персону у окна. – Улыбочку, Мари-чан.

Я бы и рада. Но желание улыбаться Миямото, пускай и для фотографии, отпало напрочь. Поэтому я просто произнесла про себя «Минато Мирай».

– Отлично получилась! – восторженно отозвался фотограф, словно запечатлел по меньшей мере шедевр искусства. – Только нужно чуть поближе встать. Ну-ка!

– Одной достаточно, – заметила я и уже было протянула руку за законной собственностью, однако Ларри внезапно придвинулся вплотную и, ловко заменив мой телефон своим, направил камеру с намерением сделать селфи.

– Чт... – только и успела я произнести под короткую трель, весело возвестившую о том, что моя ошеломленная физиономия только что была увековечена в памяти чужого телефона.

– Вы серьезно? – взбунтовалась я, отпихнув от себя возмутительно-довольную морду гида. – Зачем вы это сделали?

– Что-то не так? – от его приторно-беспокойного голоса у меня заныли зубы. Впрочем, допускаю возможность, что зубы свело вполне ожидаемым желанием членовредительства.

– Извини, я по привычке, – самоуверенно продолжал он, пристально оглядывая мое лицо, которое предательски заливала жаркая краска негодования и неловкости, – обычно все туристы хотят сделать со мной селфи.

Охотно верю. Некоторые туристы в моем лице действительно хотели сделать его фотографию. Для надгробия, к примеру.

– Говорила же, привычки нужно менять, – разбавил наш диалог знакомый голос, которому, признаться, я была ужасно рада.

– Тори-чан! – судя по искренней лыбе, Ларри был рад не меньше.

И напрасно.

Викториа ловко выхватила телефон из его рук и, проделав пару манипуляций, вернула его хозяину.

– Удалено. Можешь не волноваться, – мягко сказала она мне и бросила грозный взгляд на напарника. – Группа снова разбрелась по Тауэру, а скоро отъезжать. Пора всех собирать.

– Как скажешь, Тори-чан, с этого этажа и начну, – бодро отсалютовал ей Ларри, не прекращая улыбаться, пока девушка не скрылась в лифте.

Только после этого он позволил себе расслабленно выдохнуть.

– Уф, у меня иногда от нее мурашки по коже. У тебя такого нет? – обратившись ко мне за поддержкой, Ларри безусловно ошибся адресатом, поскольку на меня Викториа как раз произвела самое приятное впечатление. О чем я тут же не замедлила сообщить, правда, в несколько завуалированной форме.

– Викториа, вы что-то забыли? – как можно более естественно спросила я, глядя поверх левого плеча Ларри.

Миямото сначала побледнел, затем посерел и даже слегка скукожился.

– Тори-ча... – мгновенно налипнув на лицо самую медовую из имеющихся в арсенале улыбок, он быстро оглянулся, чем допустил стратегическую ошибку: на ослепительный свет его улыбки тут же начали слетаться очаровательные стайки хищных до знаний и рассказов мотылей-туристов во главе с Нелией.

Ларри посмотрел на меня, как на предателя, и удрученно покачал головой.

– Обозналась, – пожалала я плечами и поспешила выбраться отсюда прежде, чем выходы из Миямотовского окружение будут перекрыты окончательно. Его уже не столь бодрый голос, пытающийся заглушить гул перекрикивающихся друг друга туристов, стал усладой для моих ушей: членовредительские мысли с чувством выполненного долга ушли на заслуженный покой.

Быстро покинув башню, я поспешила к набережной, на ходу вынимая наушники. Музыка всегда действовала успокаивающе, сработало и на этот раз. А нежные изгибы ласковых прибрежных волн и вовсе быстро вернули к равновесию.

Этот Ларри, будь он неладен! Вот чего пристал? И не боится же, что могу отзыв нелестный оставить или вовсе жалобу накатать. И откуда знает, что делать этого все же не стану – не так воспитана. Зараза!

Только сейчас я в полной мере осознала, отчего мне так неприятен этот тип. Лари не заигрывал со мной. Не флиртовал и уж точно не пытался за мной ухаживать. Он играл. Холодно, расчетливо и методично он расставлял игровые фигуры на доске и уверенно вел свою партию к известному только ему исходу. И сильно сомневаюсь, что для меня итог будет благоприятным. В лучшем случае отделаюсь изрядно потрепанными нервами. В худшем...

Ну а в худшем, Ларри, я приму твой вызов. И уж можешь мне поверить: есть демоны куда страшнее чертей в моем тихом омуте!

Я злорадно хмыкнула: фантазия не преминула подбросить с десяток найэпичнейших способов расправы.

С этими мыслями я зашла в пока еще пустой автобус. Должно быть, взгляд мой был полон мстительной кровожадности, потому как водитель стал часто и с беспокойством на меня поглядывать, что для японцев совсем не свойственно. А десять минут спустя и вовсе поднялся и, повозившись с верхней панелью, выдвинул небольшой телеэкран. Полагаю, для того, чтобы

отвлечь от себя мое внимание. На всякий случай. И на этот же случай Вакаба-сан покинул автобус.

А мне что? Я с удовольствием уставилась на экран, отмечая подозрительно знакомые кадры. Ну разумеется, это же известный японский фильм ужасов о мстительном призраке черноволосой девочки! Так-так, помимо неумемного любопытства наш водитель, оказывается, обладает еще и черным юмором, который в японском обществе, как правило, непонятен и, как следствие, абсолютно неприемлем.

Фильмы ужасов я любила. Но вот жутковатые кадры, щедро приправленные потусторонним шелестом и шумом неисправного экрана, в плотном сумраке автобуса разносили вполне ощутимую ауру тревоги и даже страха. Я не удержалась и встала с твердым намерением разыскать какую-нибудь живую душу, поскольку мертвых уже хватало с переизбытком. Но тут в ответ на мой немой призыв живая душа нашлась сама: в автобус вошел Рен и со всего маху задел макушкой экран. Изображение на экране тут же стало четким, а на Реновском лице – недовольным. И я едва не покатила со смеху в проход.

– Тебе здешнего колорита мало? – попеременно то хмурясь, то улыбаясь, осведомилась жертва японских невысоких потолков и кивнула на экран, который, как оказалось, вещал на чистейшем японском без какого-либо намека на перевод.

– Прости, – видит небо, я старалась, как могла, сдержать смех, но увы, – пожалуйста, прости. Просто я тоже вечно пересчитываю косяки головой, поэтому мне это так знакомо. Сильно задел?

– Самолюбие? Да, – глядя на меня, Рен и сам не смог удержаться от смеха. – Будет шишка, но мне не привыкать.

– Еще бы, с таким-то ростом, – восхищенно заметила я и прикусила язык, в пытках запоздало понять, не задела ли подобным высказыванием кроме самолюбия еще и чувство собственного достоинства.

– Это да, – легко согласился мужчина и устроился рядом, – в школе вечно шпалой обзывали, да и в туристической группе меня не жалуют – постоянно всем обзор загораживаю.

– Ну, в нашей группе таких проблем сегодня не было, – заметила я, глядя на свои пальцы, – как и тебя, – зачем-то добавила и с нетерпением снова уставилась на Рена.

А он посмотрел в ответ, и мое сердце лихо дало дробь, а потом ухнуло в самые недра волнующего возбуждения.

– Завтра исправлюсь, – пообещал он, и моя улыбка предательски вывернула настроение напоказ. Рен же расценил ее иначе, – Что, уже есть шишка? – забеспокоился он, поспешно приглаживая темные волосы.

Я отрицательно замотала головой и аккуратно сняла с его волос маленький кленовый лист.

– Знаешь, у меня порой такое ощущение, что моя голова живет своей жизнью, – поведал мужчина, внимательно наблюдая за моими действиями.

– У твоей головы хороший вкус, – поделилась я своими мыслями и бережно вложила листочек в страницы блокнота. – Я их собираю, – пояснила я, внезапно поймав на себе его задумчивый взгляд.

Рен встрепенулся и провел ладонью по волосам, прилично их взлохматив.

– Больше нет, – развел он руками.

– А больше и не надо, – прошептала я и поспешно перевела взгляд на спинку переднего сидения в безуспешных попытках скрыть льющееся наружу веселье. Да и как было объяснить брютету, что вовсе не забавная ситуация стала причиной моего хорошего настроения. И волнения: до меня только сейчас дошло, что я только что бесцеремонно лазала по чужой шевелюре без надлежащего на то разрешения ее хозяина.

Я нервно сцепила дрожащие ладони в замок и закусила губу: это надо ж было в первый же день так опростоволоситься!

И хотя для мужчины, кажется, это не имело такого уж большого значения, я твердо решила впредь держать себя в руках, а свои руки – подальше от чужих голов.

– Это что еще за страхи? – заволновалась группа, возвращение которой мы с Реном успешно прозевали.

На экране как раз крупным планом и в HD качестве красочно разворачивалась пронзительная сцена удушения.

– Sumimasen* («Прошу прощения» – яп.), – Вакаба-сан наш язык, насколько я помнила, не понимал, но настроение и подтекст возмущенных туристов уловил отлично. – Sumimasen. Taihen moushi wake gozaimasen* («Я действительно сильно перед вами извиняюсь» – яп.), – безостановочно повторяя и раскланиваясь направо и налево, водитель смущенно переключал каналы, дабы найти что-нибудь менее заупокойное.

И хотя извинялся он явно искренне, лукавая улыбка не сходила с его губ.

– Wakaba-san, – обратился к водителю Ларри.

После небольшого диалога на японском, водитель вежливо ему поклонился, потом улыбнулся, потом снова поклонился и убрал злосчастный телеэкран от взбудораженной толпы и греха подальше.

Я заметила, как Ларри, окинув быстрым и цепким взглядом салон автобуса, уставился на Рена, нахмурился, но тут же снова влез в шкуру вездесущего и всезнающего гида и принялся рассказывать о завтрашней программе, пока мы, уставшие, но довольные, мчались по вечерней трассе обратно в Токио.

Выгружались из автобуса мы тоже лихо: ринувшиеся разбирать свой багаж туристы едва не запихнули водителя в багажный отсек своего же автобуса. Обреченно вздохнув, Вакаба-сан аккуратно выбрался из лабиринта чемоданов и сумок, с достоинством поправил головной убор, махнул на прощание ладонью в белой перчатке и был таков. Не удивлюсь, если он помчался в головной офис писать заявление на увольнение.

Ненадолго озаботившись судьбой незадачливого водителя, я не сразу заметила, что мой четырехколесный чемодан, который со скорбным видом подкатил ко мне «маньяколикий», неожиданно стал трехколесным.

– Прошу прощения, – виновато почесал затылок мужчина и протянул мне колесико. – Похоже, я случайно его уронил.

«С самолета что ли?» – едва не хмыкнула я, но лишь махнула рукой. – Ничего страшного. Оно уже в аэропорту разболталось.

Получив в дар свое же колесико, теперь в затылке чесала я, с прискорбием глядя на внезапно «стреноженный» чемодан. Не смертельно, конечно, но и приятного мало: лишенный опоры, держать равновесие самостоятельно он отказывался напрочь.

– Блинство, – тихо выругалась я и молча отдала водителю дань уважения его спокойствию и выдержке при общении с нашей варварской группой.

– Давай помогу, – с этими словами Рен неожиданно по-хозяйски завладел моим чемоданом и его деталью и присел на корточки. – Уф, у тебя там цемент внутри? – охнул он, с трудом укладывая чемодан на плитку.

– Нет, конечно, – возмутилась я, – пара металлических балок да железобетон. Ну, и еще салфетки.

Рен хохотнул и, приноровившись, довольно ловко вставил колесико на место.

– Порядок, – он разогнулся и вытер руки протянутой мною влажной салфеткой. – Только теперь нужно стараться избегать резких движений и не перегружать его. Может, выкинешь салфетки?

Хорошее у него чувство юмора, однако!

Я улыбнулась и потянулась к собственности, но мужчина чемодан отдавать не спешил.

– Я помогу дотащить это чудовище до номера, – он мягко отстранил мою руку и, несмотря на то, что у самого на плечах висел довольно объемный рюкзак, уверенным шагом направился ко входу в отель.

Вот только сюрпризы этого вечера и не думали заканчиваться!

Едва я подошла к стойке со своим паспортом, как приветливый японец, сличив необходимую информацию, внезапно улыбнулся, выудил из-за стойки маленький, но довольно очаровательный букетик цветов, и под общие вздохи группы торжественно вручил мне.

– Какие красивые! – восхитилась Нелия, протиснувшись сквозь толпу. – От кого? – спросила она и посмотрела на Рена.

Тот молча пожал плечами и покачал головой.

Я рассеянно осмотрела бумажную обертку, заглянула внутрь и для верности даже встряхнула букетик. Но записка с авторством, если таковая и была, вылезать наружу явно не спешила.

– От тайного поклонника, – улыбнулся Рен, но в глазах застыло какое-то холодное выражение.

– Тайного... – я поводила глазами по холлу и таки поймала многообещающий взгляд Ларри: он кивнул на букет и подмигнул. – Таинственнее просто некуда, – буркнула я и тут же положила букет обратно на стойку. – Извините, вы допустили ошибку. Идем? – робко попросила я спутника, борясь с непонятным чувством вины.

Рен лишь молча кивнул и последовал к лифту. Я поспешила следом, втайне мечтая поскорее забыть о злосчастном букете, по вине которого в воздухе теперь густо клубилась неловкость.

Хотя погодите! Почему я решила, что это обязательно от Ларри? Он же весь день был с нами и просто физически не мог бы оставить цветы портю! А его подмигивание и вовсе можно списать на нервный тик: он мне так весь день «нервно подмигивает», по поводу и без, что никоим образом нельзя отнести к неопровержимому доказательству авторства подарка.

Однако если это был не Ларри, то кто?

– Неожиданно как-то, – нервно хмыкнула я, пока лифт издевательски медленно полз на седьмой этаж.

– Почему неожиданно? – искренне удивился Рен и скрестил руки на груди. – Красивый букет для красивой девушки вовсе не кажется мне чем-то необычным или неожиданным. Ты не любишь цветы?

Я открыто посмотрела на мужчину, который щедро одарил меня приятной улыбкой. Улыбкой, которая абсолютно ничего не выражала – так улыбаются деятели эстрады и киноактеры с телеэкранов: мило и приветливо, но при этом холодно, отстраненно, равнодушно. Отрепетированная улыбка равнодушной куклы.

Под теплую одежду пробралась непрошенная зябкость.

Проклятый букет!

– Не то, чтобы не люблю. Они красивы, но... мне их жаль, – я не сразу поймала себя на дурацкой привычке накручивать локон волос на палец. Локон обрел свободу. Зато мои глаза попали в плен его изучающего взгляда. Я начала тихо паниковать. – В смысле, ставить живую вазу в цветы и ждать, пока завянет... завянут... цветы, в смысле.

Ужас, что я несу?! А главное, почему я это несу?!

– И вообще, вместо цветов можно столько всего полезного подарить, – неуклюже закончила я и выдохнула.

– Например? – Рен приподнял бровь и слегка подался вперед. Локон волос снова занял свое законное место на моем указательном пальце.

– Например... еду, – выпалила я, чувствуя, как по щекам разливается настоящая лава.

Хорошо, что лифт без эксцессов достиг седьмого этажа: вздумай он сейчас застрять, я бы точно стекла на пол от смущения.

– Спасибо, – поблагодарила я благородного носильщика, когда я и мой монстр были благополучно доставлены к дверям комнаты, внутрь которой я хотела побыстрее засунуть себя и багаж: как выяснилось, всю нашу группу вполне ожидаемо заселили на одном этаже, и теперь приехавшие на другом лифте туристы вновь атаковали мою скромную персону любопытными взглядами.

– Если что понадобится, я в семьсот одиннадцатом, – все с той же улыбкой отрапортовал Рен и оставил меня наедине с моим скарбом.

Немного повозившись с ключ-картой, я отперла дверь и почти что вкатилась в номер вместе с неуправляемым багажом, едва тот не опрокинув. Растерянно уселась на кровать и невидяще уставилась прямо перед собой. Ну до чего же все нескладно вышло! Этот цветущий жест невиданной щедрости почему-то полностью лишил меня возможности трезво мыслить в присутствии Рена. Еще нелепее выглядела моя глупая попытка оправдаться перед ним, как и тот факт, что я в принципе должна перед кем-то оправдываться. Не должна ведь! Ну подумаешь, цветы подарили. Тоже мне, великое дело!

Я сердито фыркнула и уткнулась взглядом в вазу на столе. Видимо, ту самую, которую как раз полагается ставить в цветы и ждать, пока завянет. Память услужливо воспроизвела сначала весь мой бред, и я тихонько застонала. В одночасье позабыть правила грамотной речи? Могу только представить, что обо мне подумали. Что **он** обо мне подумал!

Вытряхнув дурные мысли из головы и заглянув в вазу с водой – да-да, вода тоже прилагалась – я обнаружила на столике коротенькую записку, которая разом развеяла мои чаяния о «подмигивающем тике» и непреднамеренных совпадениях.

«Надеюсь, прекрасной леди понравились цветы? Не составишь ли компанию на прогулке по живописному острову Одайба? Сегодня, в 8.00. Твой Л.М.»

Не сдержав эмоции, я громко фыркнула: очевидно, о значении слова «таинственный» мой таинственный поклонник имел весьма смутные представления. Хотя чего греха таить, с аббревиатурой, которую можно было расшифровать не иначе, как «Лютая Мигрень» он попал в яблочко!

Я зажмурилась и потеряла переносицу: после всей той неловкости, что подарили мне лютые цветы, составлять компанию люто не хотелось. Притом, что сама идея экскурсии на самом деле вызвала неподдельный интерес.

А если обернуть сложившуюся ситуацию в свою пользу?

Я злорадно ухмыльнулась: никто ведь не говорил о том, что мне нельзя приводить друзей?!

Спустя несколько минут, стучась в номера своей группы, я уже предвкушала удовольствие от встречи Ларри с его группой в то время, когда он вполне законно надеялся от нас избавиться.

Как и ожидалось, Нелия, которая уже собиралась на прогулку по вечернему Токио, с восторгом поддержала идею и помогла мне с «рассылкой сообщений». Ну а я, едва сдерживая улыбку, уже спешила к двери с заветной цифрой 711. Так уж вышло, что Ларри, сам того не зная, одарил меня возможностью продолжить приятный вечер в приятной компании. Оставалось только эту самую компанию уведомить о том, что на нее есть планы.

Только вот я не учла, что у этой самой компании вполне закономерно могут быть свои планы.

Тот факт, что на мой возбужденный стук дверь мне отворила обворожительная брюнетка в приталенном, цвета спелой вишни (совсем как помада на губах) блейзере, меня нисколько не смутил. Подумаешь, дверью ошиблась!

Но когда за ее спиной я разглядела рослую фигуру Рена, почему-то стало невыносимо жарко.

Выходит, не ошиблась! Просто Тори-чан (а прекрасной брюнеткой была именно она) меня опередила!

Эта мысль электрическим зарядом прошла по всем телу и обосновалась где-то в ногах, пригвоздив их к полу.

А чего я вообще ожидала?! Что у благородного носильщика и интересного собеседника не может быть своих планов и интересов? Я же не думала, что только по причине соседства в автобусе, он теперь будет всюду меня сопровождать?!

Или думала?

– Привет, – робко подняла я ладонь, пытаясь как можно быстрее отодрать взгляд от уютно-домашнего Рена в темно-сером вязаном свитере с горлом. – Извините, я не вовремя, – выдавила я из себя самое что ни есть искреннее извинение. Хотя бы за то, что пялилась на широкоплечую фигуру в свитере чуть дольше положенного.

Быстро опустив взгляд, я поспешила убраться с траектории изучающих взглядов. И даже любезно закрыла за собой дверь. Точнее, попыталась закрыть, едва не прищемив руку хозяину номера.

– погоди, ты что-то хотела? – мужчина едва не повис на ручке, при этом слегка оттеснив Викторию к стене.

Ее округлившиеся от удивления глаза скрутили мою уверенность в вибрирующей от недоброго предчувствия узел.

– Пригласить, – брякнула я, наблюдая за колким взглядом за плечом Рена. Судя по мимолетному ледяному блеску, ответ я выбрала неверный. – В смысле, мы тут с группой собираемся на экскурсию по острову Одайба. Говорят, этот искусственный остров был сделан из мусора. Пойдете с нами?

Ну, разумеется, Марика, ты просто гений: если хочешь заинтересовать человека, из всех возможных вариантов обязательно расскажи ему про мусор!

– Одайба, – понятиливо закивал Рен, который, как ни странно, был совершенно не против острова из отбросов, и взглянул на Викторию, – так вот про какую прогулку вы говорили!

Я едва не застонала. О, нет, Рен, ты решительно не угадал! Я почти уверена, что, говоря о прогулке, Викториа имела в виду нечто куда более романтическое, нежели шилозадая группа, ползающая по мусорному острову. И словно бы в подтверждение своим догадкам, я поймала взгляд Виктории: едкий, оценивающий, пронзающий насквозь.

Чувство самосохранения немедленно потребовало растянуть губы в приветливой улыбке. Потом, правда, это самое чувство задумалось о том, что неискренняя улыбка будет напоминать скорее насмешку, нежели демонстрацию дружелюбия, а потому я решила пока повременить со своим резиновым оскалом.

– Верно, – не знаю, что испытывала сейчас Викториа, но ее улыбка оказалась очень даже милой. – Я тоже имела в виду экскурсию. Хотя и предполагала ограниченное количество участников. Вы сами едете? – спросила она меня.

– Сами. Вместе с Ларри. Он пригласил.

Да что не так с моим речевым аппаратом?! Почему в самый необходимый момент я разговариваю так, будто у меня дичайшая задержка речи с налетом дислексии?! Насколько я помню, до этой поездки подобных проблем с красноречием не наблюдалось! Ну, разве что небольшой страх выступлений, пристальных взглядов, каверзных вопросов и оценочных суждений, но это уже совсем другие тараканы.

Что ж, как говорится, не везет в беседе, повезет в мимикрии. И я растянула губы в «милой» улыбке.

– Ларри пригласил? – удивленно выгнула бровь Викториа, на которую, видимо, моя улыбка, не подействовала.

У меня нехорошо засосало под ложечкой, но я не подала виду и кивнула.

– Всю группу пригласил? – все с той же улыбкой матерой инженерии предприняла еще одну попытку Викториа, отчего у меня под ложечкой сосущее чувство переросло в стихийно-всхлирывающее.

Но я мужественно кивнула еще раз. А затем еще. Для убедительности. А еще потому, что желудок скрутило.

– Отлично! – решил прервать мою незримую агонию Рен, о котором я успела успешно позабыть. – Когда выдвигаемся?

– В восемь, – достигнув нужного уровня просвещения, я уже улыбалась и кивала на автомате. – Собираемся в холле.

– Значит, в восемь, – улыбнулся Рен. Искренне и тепло.

Я снова отрепетировано кивнула и деревянной походкой поспешила скрыться с глаз долой за ближайшим поворотом. Не потому что мне внезапно приспичило выйти из отеля. А потому что поворот оказался куда ближе двери моего номера.

подавив огромное желание выглянуть украдкой из-за угла, я поспешила к лифту. Пока ехала вниз, попробовала продемонстрировать зеркалу только что заученную «милую» улыбку. И напрасно: последняя получилась едва ли лучше, чем у Джокера.

Выскользнув из лифта, я поспешила из отеля. Чтобы воздухом свежим подышать и заодно отдышаться. А еще выкинуть из головы этот скомканный диалог и мысль о том, как жутко я выглядела со своей Джокероподобной ухмылкой. Тяжело вздохнув, взглянула на часы. До предстоящей прогулки оставалось еще сорок минут, поэтому оставшееся время я решила провести с пользой, а именно, перекусить, благо рядом с отелем располагался небольшой магазинчик сети 7-Eleven, что разбросаны по всей Японии. Прикупив незнакомой, но аппетитной на вид снеди: коробочка с бенто, багетообразная булочка с шоколадно-сливочной начинкой и полюбившийся охлажденный латте с трубочкой – я поспешила в номер, на ходу вынимая пластиковый стаканчик с кофейным напитком. Вкус предлагаемого в нашем отеле кофе оставлял желать лучшего, а посему этот стаканчик, купленный в первый же вечер пребывания в Стране восходящего солнца меня покорила.

Уже в номере отеля, на автомате включив электрический чайник, я по привычке проверила телефон на наличие сообщений. Экран смартфона послушно моргнул и высветил слегка запоздалую смс от папы.

«Как долетела)))) Уже познакомилась с кем-ни(будь)))) Не гуляй одна поздно и береги себя))))»

– А сегодня, ребята, мы с вами выучим новый символ – скобки! И будем тыкать их всюду, пока собеседника не стошнит, – хмыкнула я, еще раз прокрутив мессенджер.

Мамины сообщения ожидаемо придерживались графика: ровно один раз в сутки, в девять утра (на наше время, разумеется). Оно и понятно: у фотокорреспондента, которого в любой момент могут одинаково забросить как в толпу митингующих за права животных носить натуральный мех, так и на раздачу папайи бездомным, со свободным временем абсолютная беда. Так что ничего неувидительного, что с момента последнего сообщения пять часов назад, ничего не изменилось.

Уверив отца о том, что гуляю в данный момент исключительно вдоль кровати, и заверив сообщение кучей скобок, я приступила к долгожданному чаепитию, благо чайник уже успел вскипеть трижды. Подозрительно осмотрев пакетик чая с горчично-коричневым рисунком, я смело бахнула содержимое в чашку и залила кипятком. Учитывая, что мои ожидания этим вечером уже не раз летали в распрекрасное далеко, подозрительно коричневатый цвет чая почти не настораживал. И напрасно! Щедро отхлебнув нечто среднее между вермишелью

быстрого приготовления и солоноватой водой, я едва не подавилась. Елки! Предупреждающие знаки на пакетиках малевать нужно! Мол, осторожно, вкус чая специфический, не для всех, и вообще это не чай, а суп!

Хорошо еще, что под рукой оказалась сладкая булочка и целых два стаканчика с латте, о которых я так кстати забыла. Но, увы, полакомиться заготовленными припасами я не успела: в дверь настойчиво постучали. Взглянув на наручные часы, я быстро накинула плащ, и, равномерно распределив стаканчики с латте: один в рюкзак, другой в руку – поспешила к двери.

– Готова? – отсалютовал мне Рен черной баночкой с кофе из автомата.

Я прилежно чокнулась своим стаканчиком, и мы поспешили к выходу.

– А где Викториа? – опомнилась я только тогда, когда двери лифта закрылись.

– Из агентства позвонили, – ответил Рен и скрипнул металлическим кольцом на баночке. Зашедший вместе с нами поджарый японец в летах и костюме вздрогнул. – Что-то там про срочный отчет, который они с Миямото забыли сегодня предоставить. Ай!

– Горячо? – забеспокоилась я.

– Горько, – скривился Рен, приложив руку ко рту, – так и знал, что черная банка равно полное отсутствие сахара. Могли бы и воды не заливать, чего уж, так бы кофе пожевал.

Пока мужчина бурчал, а японец усердно делал вид, что рекламный плакат с изображением синей свиньи куда интереснее происходящего, я выудила из рюкзака еще один стаканчик с латте, который взяла про запас. Как чувствовала! Или знала? Отогнав назойливую мысль о том, для кого в действительности запасалась лишним кофе, протянула упаковку Рену.

– Фея? – уточнил он, подозрительно глядя на презент.

– Рюкзак-саморазобранка, – привычно продырявив свою упаковку, я поднесла трубочку к губам и, пропустив японца впереди себя, вышла из лифта.

В холле в ожидании продолжения вечера нервно топталась и возбужденно переговаривалась уже добрая треть группы. А посреди отряда неюных натуралистов стоял ничего не понимающий Ларри и растерянно озирался. Завидев меня, он просиял и подался навстречу. Правда его походка стала куда менее резвой, когда он разглядел моего напарника.

– Мари-чан, ты все же пришла, – растянул он губы в приветливой улыбке, не сводя глаз со стоящего позади меня Рена.

– Конечно, пришла, – ответила я такой же улыбкой, – ты же обещал живописный Одайба, – уже громче сказала я, привлекая внимание всей группы. – Все собрались? Можем выдвигаться?

Отряд принял охотничью стойку и с готовностью закивал.

– Что происходит, Мари-чан? – тихо спросил Ларри, трогательно взяв меня под локоток, в то время, как с другой стороны так же трогательно под локоток его взяла Нелия.

– Мы едем на остров Одайба, разве нет? – пожала я плечами. – Ты ведь сам приглашал.

– Я приглашал **только** тебя, – зашипел мне в ухо Ларри.

– Правда? – напустив на лицо легкую придурковатость, изумилась я. – Видимо, я не так поняла. Извини.

– Ну что ты, не стоит извиняться, – кисло возразил Ларри, тушку которого нещадно мотало промеж любопытных туристов.

Надо отдать должное его выдержке, гид даже не поморщился, не говоря уж о том, чтобы убить меня за то, что его вечер стал походить на очередную неуправляемую экскурсию, которая уже в метро дала ожидаемый сбой. А все потому, что по меньше мере три человека позабыли инструкцию Ларри о том, что запихивая талон в турникет, о нем ни в коем случае нельзя забывать: талон, который турникет тут же выплюнет с другой стороны, необходимо забирать с собой, чтобы потом его же «скормить» турникету уже на выходе. В общем, как раз на выходе из метро наша группа предсказуемо создала уже привычный минизатор. Так что к тому времени,

как мы прошли подземный квест, на улице стемнело окончательно, что позволило нам сполна насладиться вечерними огнями искусственного «мусорного» острова.

Пока Ларри пытался противостоять бесконечной бомбардировке вопросов, я тайком наблюдала за Реном. Наблюдала и восхищалась, как легко и непринужденно дается ему знакомство и общение с разного возраста и статуса людьми. Став невольной свидетельницей нескольких бесед, я с удивлением для себя обнаружила, что «маньяколикий» вовсе не маньяк – удивительно! – а уважаемый геолог по имени Ричард, поездка в Японию для которого была мечтой со скамьи Института; тридцатипятилетний фотокорреспондент Олейна, не выпускавшая ни на секунду из рук фотоаппарат, путешествует по японским землям уже второй раз, а для «бабульки» Нелии эта поездка и вовсе стала всего лишь продолжением путешествия по землям Китая, Кореи и Гоа.

Просто удивительная в своем разнообразии собралась группа! Ну или по крайней мере, ее присутствующая часть. И часть, похоже, самая шилозадая.

К сожалению Ларри, потратив всего пару минут на восхищенные возгласы от раскинувшегося вокруг пейзажа, группа снова раскололась: одни жаждали немедленно отправиться в торговый центр; другие, в частности сестры Луиз и Лиссанна, желали найти миниатюрную копию пресловутой статуи Свободы; ну, а третья часть в лице Ричарда рвалась увидеть огромного робота Гандам. И, разумеется, всем и каждому позарез требовался проводник в лице слегка осунувшегося и даже немного постаревшего Ларри.

Пока его делило кровожадное племя с Нелией во главе, я неожиданно для себя обнаружила свою собственную цель: огромное колесо обозрения, манящее переливами красочных огней. Совсем как то, что я сегодня запечатлела в порту Минато Мирай. С той лишь разницей, что на этом колесе в густом полумраке сумеречной японии искрились ослепительным многоцветьем, точно живые, олени – предвестники скорого Рождества.

– И почему мне кажется, что это твоих рук дело, – тихо не то спросил, не то сказал Рен и кивнул в сторону тонувшего в туристо-аппокалипсисе Ларри. – Они же его сейчас порвут.

– И Нелии достанется большая часть, – согласилась я, совершенно не представляя, стоит ли говорить приятному во всех смыслах, но все-таки пока малознакомому мужчине о своих чувствах, в частности, об искренней антипатии к Ларри. – Кажется, теперь я понимаю, зачем нам прикрепили двух человек.

– Просчитались. Тут не гиды нужны, а наряд спецназа, – фактически поставил нашей группе нелицеприятный диагноз мой спутник и усмехнулся. – Виктория быстрее сообразила.

Я непонимающе посмотрела на Рена, затем перевела взгляд на нашего гида, который, как выяснилось, все это время пытался настойчиво откланяться.

– Прошу вас, друзья, мне тоже жаль так быстро вас покидать, но так уж сложились обстоятельства. Пришло сообщение из офиса и...

– ...нужно срочно подготовить отчет, – тихо хмыкнул Рен, слово в слово повторяя в унисон с Ларри.

– Экстрасенс? – с восхищением выдохнула я, изумленно таращась на новоиспеченного прорицателя.

– Психолог, – поправил меня Рен и таинственно улыбнулся. А затем, глядя на мое вытянувшееся лицо, пояснил. – Виктория использовала точно такую же отговорку, чтобы избежать... м-м... подобного развития событий.

Доброжелательно махнув рукой бросившему мне напоследок укоризненный взгляд Ларри, я с облегчением вздохнула, словно сбросив с плеч тяжелое бремя вины и настороженного ожидания заслуженной кары, и с чувством выполненного долга погрузилась в наслаждение прекрасным вечером.

А начали мы наслаждение уже через десять минут и с требования Ричарда впихнуть в один кадр целиком и его и восемнадцатиметрового робота Гандам. Пока Луиз кружила вокруг

работа в поисках подходящего ракурса, а Рен – вокруг незадачливой модели в поисках здравого смысла, я упоенно делала снимки маленького шпица персикового цвета с розовым бантиком на загривке. Почему-то сидящий в милой плетеной корзиночке на скамье под раскидистым грабом собачен вызвал у меня куда больше восторга, нежели металлическая громадина, окруженная обезумевшими от восторга туристами и ошалевшими от туристов фотографами.

– Что дети малые, – буркнула Нелия и взяла ситуацию под личный контроль, сделав вполне приличную панорамную фото перспективу.

Довольный получившейся работой, Ричард благосклонно позволил себя увлечь к миниатюрной копии статуи Свободы, где началась вторая часть «Марлезонского балета»: теперь активную борьбу за кадр вели Луиз и Лисанна, практически полностью загораживая небольшую статую своими роскошными телами. Поскольку спасительных собачек рядом не нашлось, я оказалась вовлечена в сумасшедшую какофонию фотографирования, в которой мне отдавили ногу, карму и инстинкт самосохранения.

Так что ничего удивительного, что к моменту, когда мы снова вернулись к торговому центру недалеко от выхода из метро, я была всецело и полностью на стороне наших благо разумных гидов, опыт которых позволил им избежать опасного для здоровья времяпрепровождения. С тоской окинув взглядом огромный торговый центр и прикинув в уме, что меня ждет внутри, я немного замедлила шаг, позволив группе себя обогнать. Группа, совершенно не заметив потери бойца, шумным бурлящим потоком полилась прямо ко входу в Центр на «радость» его обслуживающего персонала.

Ну а я с вожделием уставилась на колесо обозрения, уже всюю прикидывая, с какой стороны у этого чуда расположен вход.

Как выяснилось чуть позже, светлая мысль держаться подальше от группы, Центра и шопинга (а заодно и от зловещей комбинации всего вышеперечисленного) пришла не только мне.

– Кажется, я видел то, что видеть не должен был, – проворчал возникший из ниоткуда Рен и принялся расправлять пальто и аккуратно разматывать шарф: выглядел он и правда слегка помятым. – Теперь всю оставшуюся экскурсию меня будут мучить флэшбеки.

Я хохотнула: потерявшись в этом хаосе, я совершенно позабыла о своем спутнике, что нисколько не умаляло радости от нашей встречи. А также от осознания того, что он-то обо мне как раз не забыл.

– Возвращаемся? – поймав мой взгляд, коротко осведомился он, наматывая последний виток серо-стального шарфа.

– А, ну, не совсем, – я моментально растеряла всю уверенность и красноречие, – вообще-то я еще хотела сходить на колесо обозрения... обозрения... коберзо... чтоб его!

М-да, уж лучше бы про живую вазу в цветах говорила.

Если на первой попытке обозвать конечный пункт моего похода Рен слегка улыбнулся, то после третьей откровенно расхохотался. Я попыталась обиженно надуться, но его смех был так заразителен, что я тоже не сдержалась и прыснула.

– Идем, – немного отсмеявшись, позвал Рен, – провожу тебя на обозретое коберзо.

Обозретое коберзо, вопреки кажущейся близости, оказалось куда дальше, чем мы ожидали. Обойдя его по кругу радиусом в целый парк и уткнувшись в глухую стену из живой изгороди, мы решили последовать старому дедовскому методу: вернувшись на исходную точку и проанализировав ситуацию, просто последовали за одной из влюбленных парочек, которая и привела нас точно к цели, а точнее к небольшой очереди. Уже при входе на заученном английском у нас поинтересовались, какую из кабинок мы бы хотели предпочесть – открытую или закрытую – а затем, подведя к затемненному уголку, быстро сфотографировали, что стало для нас полнейшей неожиданностью.

И только после этого нас соизволили запустить в закрытую кабинку, где мы с удовольствием устроились друг напротив друга... почти соприкоснувшись коленями!

То ли кабинка оказалась чересчур малогабаритной, то ли наши «ходули» не были заточены под размеры японского аттракциона, но наш с Реном подъем ознаменовался полным нарушением личного пространства друг друга. Поэтому ничего удивительного, что спустя две минуты подъема остатки моей самоуверенности заботливо укутало чувство смущения и неловкости, совсем как в лифте недавно. А стоило мне пару раз поймать взгляд Рена, так сердце и вовсе тут же бросалось в бесноватый пляс.

Я застыла в позе сжатой до предела пружины и закусила губу, попутно пытаюсь мысленно свалить вину за свое состояние на несчастный стаканчик с кофе. Правда, разум тут же привел вполне логичные контраргументы, что для такого состояния потребовался бы как минимум тазик бодрящего напитка. Без воды, добавок и права на нормальный сердечный ритм.

Чтобы хоть немного отвлечься, я села вполоборота к спутнику (едва не забравшись при этом коленями на сиденье) и взглянула на расстилающийся под нами ночной город, полный огней и ярких красок, и... стало еще хуже! У меня на секунду даже дух захватило от высоты, которую мы постепенно набрали. И хотя я никогда не слыла человеком, который бы боялся высоты или обозреть колес, но почему-то именно сейчас на волю усердно лезла аэрофобия, или как там еще называется боязнь свалиться с высоты более ста метров.

В поисках хоть какой-нибудь опоры я нервно вцепилась в холодные поручни, что опоясывали внутреннюю часть кабинки, и затаила дыхание.

И внезапно ощутила, что на мои оледеневшие пальцы опустилось блаженное тепло.

– Ты боишься высоты? – совсем рядом тихо спросил Рен, накрыв мои ладони своей рукой. И тут я совершенно отчетливо поняла, что для подобной манипуляции ему пришлось пересесть ко мне почти вплотную!

– Я... – запнулась, закрыла глаза, перевела дух и честно призналась. – Раньше такого не было.

– Марика, – позвал Рен, – посмотри на меня.

Я вздохнула и медленно открыла глаза, не позволяя взгляду подняться выше поручня, на котором мои ладони жадно вбирали тепло его кожи.

– Марика.

Я снова вздохнула и подняла голову, поймав расфокусированным взглядом в стекле отражение его силуэта, который возвышался рядом с моим, точно непоколебимая стена, готовая уберечь от любых невзгод и перипетий.

Сердце замедлило темп, зрение прояснилось: вернув себе немного уверенности, я повернулась к Рену настолько, насколько позволяла возможность оставить свои руки в его горячих ладонях.

– Я... так странно... просто никогда...

– Все хорошо, Марика, – взгляд Рена пронизывал насквозь, и я, точно загипнотизированная, уже не смогла бы прервать зрительный контакт, даже если бы захотела. – Все нормально, смотри на меня.

– Смотрю, – попугайчиком ответила я, чувствуя, как растворяюсь в его серых глазах, точно слабый солнечный луч в промозгом ноябрьском небе.

– Молодец, – Рен улыбнулся и кивнул. – Я ведь совсем не страшный, правда?

Я скептически подняла бровь.

– Поня-ятно, – озадаченно протянул мужчина. – Не сработало.

Еще как сработало! Теперь я вообще ни о чем не могу думать!

Тепло его ладоней и внимательный взгляд самым бессовестным образом завладели не только моим вниманием, но и мыслями: в разом опустевшей черепной коробке предательски прошелестело растение с многообещающим названием «перекати-поле».

– Давай попробуем иначе, – мужчину, очевидно, напугала моя блаженная улыбка довольного жизнью идиота. – Подумай о том, что приносит радость или удовольствие.

В самом деле? Он это сейчас серьезно?! Да если я начну думать, что мне приносит радость, то идиотской улыбкой точно не ограничусь!

Я встrepенулась: нет, так не пойдет! Надо срочной взять руки в себя!

Проклятье! Под его вопросительным напором я даже думать связно не могу, что уж говорить о речи! А все потому, что мой внимательный и заботливый спутник ко всему прочему еще и невероятно...

– Красивый, – выпалила я, ухватившись за первую попавшуюся мысль, и испуганно закусила губу: надо бы вернуть в черепашку «перекати-поле», от него вреда куда меньше было.

– Кто? – напрягся Рен, глаза которого округлились.

– Мой кот, – в панике ответила я, ухватившись за вторую попавшуюся мысль в моей голове. Эх, определенно жизнь меня ничему не учит!

– М-да, к такому меня не готовили, – озадаченно протянул Рен, а затем повеселел. – Кот, это ж надо!

– А что не так с котом? – в шутку нахохлилась я, понимая, что вторая попавшаяся мысль оказалась не такой уж страшной. И даже помогла немного исправить ситуацию.

– С котом как раз все хорошо, – сквозь смех ответил мужчина. – Но обычно люди представляют нечто более.. м-м... стоимостное что ли. Свое состояние или деньги, к примеру.

– Моего кота зовут Доллар.

– Тогда это многое объясняет, – снова хохотнул Рен, да и я, глядя на него, начала улыбаться. – У моей кузины Лили тоже есть кот по кличке Клещ. Тот еще прохвост!

И тут все мои эмоции: напряжение, неловкость, страх – разом выплеснулись наружу, и я захохотала.

– Почему, – мне, конечно, было жаль забирать свою ладонь из его теплого укрытия, но на моих глазах от смеха выступили слезы, и с этим надо было как-то бороться, – почему именно Клещ?

– У него врожденный дефект, – Рен тоже не переставал улыбаться, – нижняя челюсть чуть выдвинута вперед, отчего два нижних клыка торчат наружу. И хотя это добрейшее существо на планете, но вид у него действительно жуткий: поэтому и Клещ. Вот, смотри, – и с этими словами он, немного покопавшись в своем телефоне, развернул его экраном ко мне.

И действительно, на фотографии в руках у моего спутника я узрела пушистое существо кофейного цвета с торчащими сверху нижними клыками и тяжелым взглядом.

– Выглядит так, будто хочет сожрать тебя, – прокомментировала я фото, на котором мой взгляд больше всего притягивал вовсе не угрюмый кот.

– Почти так и было, – тут брюнет слегка приподнял рукав пальто и рубашки под ним, оголив тыльную сторону запястья, где я разглядела тонкие белесые нити шрамов. – То ли он меня просто ненавидит, то ли ревнует Лили, но когда я прихожу в гости, все время норовит что-нибудь откусить. Бывают, правда, моменты, когда я застаю его в хорошем расположении духа, и тогда он меня просто жует. Эта единственная в своем роде фотография как раз и была сделана в тот момент, когда Клещ пребывал в ладу с собой и миром.

– Добрейшее существо на планете, говоришь? – протянула я с сомнением. – Да ему бы больше подошла кличка «Хищник».

– Был такой вариант, – важно кивнул Рен, опуская рукав на место и расслабленно откидываясь на спинку сиденья, отчего его колени вытянулись вперед и легонько соприкоснулись с моими. Я пропустила несколько вздохов, – но на меня обиделись и долго не разговаривали: целых десять минут. Пока я не напомнил о своем путешествии и об обещанных сувенирах.

Я тихонько хмыкнула и, моментально расслабившись, больше не чувствовала ни неловкости, ни смущения, только легкость и уют, будто напротив меня сидел не человек, с которым мы только вчера познакомились, а давний приятель. А то и вовсе лучший друг.

Удивительный человек! Всего за несколько минут ему удалось полностью взять мои эмоции под полный контроль. Колдун, не иначе!

Кстати, о колдунах и их зверушках... Я полезла в сумочку за своим телефоном.

– Мой Доллар, конечно, не идет ни в какое сравнение с Клецом, но... – я запнулась, хмуро глядя на вспыхнувший экран дисплея.

– Что-то не так? – Рен слегка подался вперед, но этого «слегка» хватило с лихвой, чтобы наше личное пространство снова стало общими.

– Ларри звонил, – быстро ответила я, чувствуя, как мою челку щекотнуло его теплое дыхание. Я нервно сглотнула: похоже, мои выводы об успокаивающем воздействии на меня этого обаятельного мужчины оказались преждевременными. Вернуть себе самообладание мне удалось не сразу и ценой невероятных усилий. – Звонил и писал. Полчаса назад, – я прищурилась, с трудом вчитываясь в текст, изобилующий подмигивающими смайлами. – Спрашивает, где я. И, кажется, злится.

– Действительно злится, – задумчиво подтвердил Рен, – столько восклицательных знаков даже Лили не ставит. Заботливый, – медленно растянул он слово, словно надоевшую безвкусную жвачку, и, откинувшись на спинку сиденья, принялся что-то сосредоточенно писать в телефоне.

Я тихо выругалась: даже отсутствуя, Ларри каким-то непостижимым образом умудрился придать приятно-пряному вечеру горькое послевкусие.

Тем временем Рен закончил послание, закрыл чехол и положил телефон в карман пальто.

– Поблагодарил за беспокойство, – пояснил он, проследив мой вопросительный взгляд. – И сказал, что провожу тебя до отеля в целости и сохранности.

– Вот как, – выдавила я, отстраненно глядя на простирающийся за пределами кабинки ночной Токио, утопающий в мириадах разноцветных огней.

Высота, с которой мы постепенно спускались, больше не пугала. Скорее, появилось едкое чувство сожаления, что это короткое путешествие завершает свой круг, возвращая нас к реальности, в которой постепенно проступала хитрая ухмылка Миямото. И теперь даже обещание, адресованное ему Реном относительно меня, звучало каким-то искусственно-принужденным. Потому что если меня собираются провожать только лишь в угоду странному субъекту со сталкерскими наклонностями, то это явно излишнее: я и сама прекрасно дойду. Безо всякого вынужденного одолжения.

Я с сожалением наблюдала, как кабинка медленно подползает к широкой площадке, где нас уже ожидал улыбчивый персонал.

– Время пролетело как один миг, – нарушил молчание Рен, выбираясь из кабинки первым и протягивая мне руку. – Но это же не значит, что его нельзя повторить, – его искренняя улыбка моментально развеяла мое унылое настроение.

Просто поразительно, сколь сильно могут отличаться два человека: один вполне открыто оказывает знаки внимания и делает щедрые жесты, тем самым все больше отталкивая своей преувеличенно-показной привязанностью. А второму стоит только произнести ничего не значащую фразу, как душу тут же словно теплым пуховым одеялом накрывает и баюкает в безмятежных объятиях.

Я с благодарностью приняла ладонь и послушно последовала за своим спутником к выходу из аттракциона, где нас неожиданно задержала приветливая японка, вручив две фотографии.

– Здорово! – восхитилась я, рассматривая наши лица на фоне смонтированного колеса обозрения, обрамленного багровым листопадом. И сердечками!

Неожиданно: нас сфотографировали как парочку! Парочку, состоящую из симпатичного мужчины с теплом во взгляде и девушки, чьи лицевые мышцы будто свело судорогой. О да, узнаю эту непринужденную Джокеровскую ухмылку!

Я едва подавила стон разочарования.

– Занятно, – Рен, очевидно, тоже оценил мои мимические данные, но не подал вида и повернулся к японке. – Разумеется, не бесплатно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.